

Осмотрев цыплят и утят, спящих в куче соломы, и успокоив ластящихся, не отходящих ни на шаг щенков, Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу сели на кухне варить лекарство и кипятить воду. Выпив лекарство и кое-как умывшись, они зажгли масляную лампу и вошли в спальню.

— Подверни штанины, я ещё раз разомну тебе колено, — сказал Сюн Цзиньчжоу. Поставив лампу, он подошёл к сундуку, достал вчерашнюю мазь и спросил: — Днём болело?

— Нет, — ответил Нин Гуйчжу, снимая верхнюю одежду и присаживаясь на край постели. — Мазь у тебя хорошая.

— Её выдали в награду, когда я был на войне, — пояснил Сюн Цзиньчжоу.

Говоря это, он подошёл к кровати, зачерпнул немного мази и растёр её в ладонях, затем, опустив взгляд, присел на корточки, когда Нин Гуйчжу подвернул штанину. Горячая ладонь легла на колено. Вспомнив вчерашнее, Нин Гуйчжу невольно напрягся. Мазь и правда была отличная, да и вчера всё хорошо промяли: при свете лампы было видно, что синяки заметно разошлись, а самый тёмный участок посветлел - уже не такой чёрный, как накануне.

С каждым движением Сюн Цзиньчжоу в колене вспыхивала резкая боль. Лицо Нин Гуйчжу слегка побледнело, пальцы крепко вцепились в край одеяла, но он не издал ни звука. Со временем, когда боль стала привычной, появилось отчётливое ощущение тепла - оно понемногу расслабляло его напряжённые нервы.

Когда Сюн Цзиньчжоу как следует втер мазь, он наконец отпустил колено Нин Гуйчжу и сказал:

— Дай немного проветриться, не спускай сразу штанину.

— ...Хорошо.

Пока Сюн Цзиньчжоу выходил помыть руки, Нин Гуйчжу согнул ногу и наклонился, разглядывая колено поближе. Он осторожно ткнул в него пальцем пару раз, почему-то у него возникло ощущение, что Сюн Цзиньчжоу растер его колено до такой степени, что оно распухло.

Мысль мелькнула и тут же была им отброшена. Нин Гуйчжу закрыл баночку с лекарством, встал и расправил постель.

Сюн Цзиньчжоу вернулся, уже вымыв руки. Увидев, что Нин Гуйчжу стоит к нему спиной и чем-то занят, он на мгновение замедлил шаг, потом подошёл, убрал мазь обратно в сундук и лишь затем повернулся. К этому времени Нин Гуйчжу уже лёг на кровать.

В колеблющемся свете масляной лампы человек на постели выглядел особенно тихим: чёрные

волосы рассыпались по подушке, тонкое, красивое лицо казалось мягким и чистым, совсем не таким резким, как можно было ожидать по внешности. Сюн Цзиньчжоу почувствовал, что если продолжит смотреть, то может случиться что-то, что сделает будет неприятно Нин Гуйчжу. Он решительно задул лампу, в темноте снял верхнюю одежду и, стараясь не шуметь, лёг на самый край кровати, закрыв глаза.

Между ними повисло какое-то иное, непривычное напряжение, и Нин Гуйчжу это почувствовал. Он тронул кончик носа, чуть придвинулся ближе и, ощутив холодный зазор между ними, спустя некоторое время медленно произнёс:

— Подвинься чуть ближе. Холодно, накрывайся получше.

— ...Мне не холодно.

От этого сухого ответа Нин Гуйчжу на мгновение поперхнулся. Внутри он что-то недовольно пробормотал, но вслух всё же сказал:

— А мне холодно.

Одеяло прижимал Сюн Цзиньчжоу, и когда Нин Гуйчжу попытался подвинуться внутрь, между ними образовалась заметная пустота.

«...»

На этот раз мужчина молчал недолго. Он вытащил одеяло из-под себя, накрылся им и, устроившись, чуть придвинулся к Нин Гуйчжу. При этом он всё так же лежал к нему спиной, стараясь скрыть слишком уж явную реакцию.

Тёплое, почти обжигающее тепло передалось телу Нин Гуйчжу. Он закрыл глаза и очень скоро уснул.

Погода в этот день выдалась неважная. Нин Гуйчжу разбудил частый, мелкий стук дождевых капель.

Совсем рядом рос густой лес, и дождь, барабанивший по листве, звучал особенно громко. Стоило весеннему ливню начаться, и преддверие летней жары тут же рассеялось. В полусне Нин Гуйчжу инстинктивно придвинулся ближе к источнику тепла. Сюн Цзиньчжоу открыл глаза, пару секунд рассеянно глядя на полог кровати напротив, затем тихо протянул руку и осторожно обнял Нин Гуйчжу.

Это движение было слишком интимным. Нин Гуйчжу на мгновение проснулся окончательно. Прожив девятнадцать лет мужчиной, он в целом не имел чёткого внутреннего барьера к телесной близости с другим мужчиной, но человек рядом был исключением: их связь уже была

достаточно близкой, и в то же время они оставались слишком незнакомыми друг другу.

Дыхание само собой замедлилось. За окном дождь стал слышен ещё отчётливее, к нему примешался слабый шум ветра. Сюн Цзиньчжоу знал, что Нин Гуйчжу проснулся. Он немного подождал и, не почувствовав попытки отстраниться, с лёгкой нерешительностью притянул его ближе к себе.

Нин Гуйчжу и сам не заметил, как снова уснул. Когда он проснулся в следующий раз, дождь лил уже сильнее. Сюн Цзиньчжоу, неизвестно когда вставший, ушёл, и место рядом на ощупь было совсем холодным.

Нин Гуйчжу сел на кровати; одеяло соскользнуло вслед за движением и собралось складками у него на талии.

Окно было распахнуто настежь, но в комнате всё равно стоял полумрак. Ветер, задувая внутрь, разогнал остатки сонной вялости, прилипшей к Нин Гуйчжу. Он быстро поднялся, оделся, аккуратно привёл в порядок постель, сложил одеяло и положил его у изножья кровати. Лишь после этого он распахнул дверь и вышел из спальни.

Стоило ему взглянуть из дверного проёма во двор, как он тихо выругался:

— Всё пропало!

Он инстинктивно рванулся наружу, но Сюн Цзиньчжоу, неизвестно откуда появившийся, тут же перехватил его и потянул назад.

— Ты куда собрался? Ты же ещё не поправился!

Нин Гуйчжу с тревогой ответил:

— Цыплята и утята... им нельзя под дождём!

— Всё в порядке, я их уже занёс, — Сюн Цзиньчжоу, опасаясь, что тот снова полезет под дождь, увёл его на кухню. — Они у очага, греются. Вроде всё нормально.

Сюн Цзиньчжоу проснулся рано и больше не смог уснуть. Он лежал, обнимая человека рядом, наслаждаясь редким спокойствием утра, но вскоре дождь усилился, а со двора донеслись лай собак и переполох среди птицы. Тогда он и вспомнил про всю эту мелюзгу, поспешно поднялся и перенёс их в дом.

— Даже не знаю, когда дождь начался, — Нин Гуйчжу присел, проверяя цыплят и утят, нахмурился, а потом, заметив мокрые штанины Сюн Цзиньчжоу, поднял голову. — Ты тоже

промок?

— Да так, ерунда, немного... — начал было тот.

Но Нин Гуйчжу перебил его:

— Даже так, всё равно нужно быть осторожным.

Он опустил цыплёнка обратно, заметил, что в железном котле кипятится вода, и тут же начал подгонять Сюн Цзиньчжоу идти мыться и переодеваться. Тот, уловив в его выражении скрытое беспокойство, в конце концов не стал спорить, позволил себя вывести из кухни, взял деревянное ведро, зачерпнул горячей воды и отправился мыться.

Нин Гуйчжу высунулся наружу, бросил взгляд и, увидев, что Сюн Цзиньчжоу, прихватив одежду, раздевается прямо на галерее у спальни, поспешно втянул голову обратно. Когда дождь закончится, нужно будет обязательно соорудить нормальную купальню. И да... про отхожее место тоже не забыть.

Пока Сюн Цзиньчжоу мылся, Нин Гуйчжу всё равно не мог выйти наружу. Он протянул руку и погладил Давана и Эрцаю, которые лежали у очага. Хотя те были ещё щенками, из-за крупных размеров они стали настоящим источником тепла - цыплята и утята жались к ним, спасаясь от холода.

Подперев щеку ладонью, Нин Гуйчжу смотрел на пляшущие в очаге языки пламени. Снаружи снова усилился ветер. Он пару раз выглянул, но, посчитав, что выходить сейчас всё же неловко, от скуки подбросил в очаг две тонкие щепки.

Сюн Цзиньчжоу занёс деревянное ведро и поставил его у входа на кухню, после чего окликнул:

— Чжу-гер.

— Уже закончил? — Нин Гуйчжу тут же вскочил, взял умывальные принадлежности, зачерпнул из котла горячей воды и умылся прямо на галерее, прополоскал рот и заодно сказал: — В такую погоду всё равно никуда не выйдешь. На завтрак можно приготовить мяньтяо, что дала старшая невестка, и мясной суп?

— Тогда я пока помою и подготовлю овощи, — отозвался Сюн Цзиньчжоу.

Нин Гуйчжу неопределённо хмыкнул в ответ, ещё пару раз прополоскал рот, намочил полотенце, тщательно вытер лицо и вернулся на кухню.

— Кстати, — вспомнил он, — вчера старшая невестка говорила, что сводит меня собирать

мянтяо. Может, сходить к ним предупредить?

— Не нужно, — ответил Сюн Цзиньчжоу. — В дождь у нас всё равно никто из дома не выходит.

Нин Гуйчжу кивнул.

Разделив вымешанное тесто из грубых злаков на небольшие куски, Нин Гуйчжу слегка обкатал их в ладонях, разложил на паровой решётке, накрыл крышкой и поставил на пар. Затем он вскипятит немного воды в глиняном горшке и опустил туда перебранную Сюн Цзиньчжоу мянтяо, чтобы ошпарить её.

Сюн Цзиньчжоу наблюдал за процессом и, увидев это, спросил:

— Так и будем есть?

— Нет, — ответил Нин Гуйчжу. — Бланширование нужно только для того, чтобы убрать горечь. Потом можно либо обжарить, либо сделать холодную закуску. Как ты хочешь?

— Э-э... да как угодно?

Неудивительно, что Сюн Цзиньчжоу не смог определиться: раньше дома еду готовили по принципу «сварилось - значит, готово», и теперь он просто не понимал, в чём разница между жареным и холодным вариантом.

Нин Гуйчжу немного подумал и сказал:

— Раз дождь идёт, сегодня лучше обжарить.

— Подойдёт, — поддержал его Сюн Цзиньчжоу.

Ошпаренную траву Нин Гуйчжу слегка обжарил, добавив немного соевого соуса, - быстро и без изысков.

Перед тем как варить суп с мясной соломкой, Нин Гуйчжу плеснул в горшок немного масла и переложил туда часть оставшихся шкварок. Когда шкварки начали источать аромат, в горшке стало больше свиного жира. Лишний жир он вычерпал обратно в маслёнку, а шкварки приправил ложкой соли, перемешал, и блюдо было готово.

Стенки горшка после шкварок блестели от жира, и Нин Гуйчжу сразу же отправил туда заранее замаринованную небольшую чашку мясной соломки. Полчашки мяса на четыре чашки воды он накрыл крышкой и оставил вариться на медленном огне. Воздух быстро наполнился

густым, насыщенным мясным ароматом. В это время в пароварке как раз подошли паровые булочки.

В конце весны стоит лишь пойти дождю, и сразу холодает. Они так и не стали переносить еду, поставили оба блюда и булочки прямо на очаг, каждый налил себе по чашке супа с мясной соломкой и ел, макая булочки в бульон и заедая овощами.

Запах стоял такой густой и аппетитный, что ели с удовольствием не только люди - караулившие у очага малыши тоже проголодались. Писк цыплят и утят смешался с поскуливанием щенков и идеально вплёлся в мерный перестук дождевых капель.

Сюн Цзиньчжоу, глядя на просящих еды собак, украдкой покосился на Нин Гуйчжу и отломил кусочек булочки, пропитанный мясным запахом, положив его с той стороны, где тот не увидит. Движение было осторожным, но взгляд выдал его с головой.

Нин Гуйчжу посмотрел и сказал:

— Потом, когда поедим, можно будет дать им воды, в которой будем мыть горшок.

Мясной суп долго варился, запаха там останется предостаточно.

Сюн Цзиньчжоу, услышав это, тут же убрал руку, прекратив тайную подкормку, и сразу стал выглядеть послушнее:

— Понял.

Нин Гуйчжу не удержался и ещё раз взглянул на него.

Блюда были сытные, с жирком, вкусные - они сами не заметили, как всё доели. После «собачьей доли» булочек осталось ещё несколько, днём ими можно будет слегка перебить голод.

Нин Гуйчжу убрал булочки в шкафчик, но, закрывая дверцу, вдруг замер, затем отломил половину одной и вернулся к очагу. Сюн Цзиньчжоу увидел, как он мелко раскрошил булочку и рассыпал крошки среди цыплят и утят. Жёлтые, пушистые комочки тут же оживились, быстро заклевали корм, наперебой раздавался весёлый писк.

Поймав взгляд Сюн Цзиньчжоу, Нин Гуйчжу пояснил:

— Куры и утки, если подкармливать грубым зерном, растут крепче.

Сюн Цзиньчжоу вроде бы понял, кивнул и предложил:

— Тогда, может, им каждый раз давать крошки от булочек?

Нин Гуйчжу: «...»

Вот уж кто щедр. Не зная, можно было бы решить, что именно Нин Гуйчжу тут самый старомодный и хозяйственный.

<http://bllate.org/book/14958/1344126>